

Николай Анциферов

ДУША
ПЕТЕРБУРГА

Николай Анциферов
Душа Петербурга (сборник)

«РИПОЛ Классик»

2014

Анциферов Н. П.

Душа Петербурга (сборник) / Н. П. Анциферов — «РИПОЛ Классик», 2014

Николай Павлович Анциферов (1889–1958) – блестяще образованный человек, историк, краевед, всю жизнь посвятивший изучению Санкт-Петербурга. Автор произведений «Петербург в поэзии Блока», «Жизнь города», «Душа Петербурга», «Пушкин в Царском Селе» и др. Всего он написал свыше 50 книг и статей об этом городе. Город-мечта, город-утопия, город-наваждение и город-фантом. Его история обросла легендами, которые составили особый петербургский миф. Его воспели русские поэты и писатели, которые жили и творили здесь в течение двух веков. Анциферов написал о нем вдохновенные поэтические рассказы. Его интересовали дома и улицы, переулки и мосты; он описал модели человеческих отношений в этом городе, манеру общения петербуржцев, литературные, музыкальные и бытовые традиции. Его волновали проблемы власти Петербурга над человеческой душой и сознанием – он считал эту власть сильнейшей в мире. Он вслушивался в диалог человека и города. Анциферов сотворил из Петербурга целый мир, живущий своей самодовлеющей жизнью.

© Анциферов Н. П., 2014

© РИПОЛ Классик, 2014

Содержание

Познание «непостижимого города»	6
Душа Петербурга	10
Genius loci Петербурга	11
I	11
II	12
III	13
IV	17
V	20
VI	23
Образы Петербурга	27
I	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Николай Анциферов

Душа Петербурга (сборник)

© ООО «РИЦ Литература», составление, вступительная статья, примечания, 2014

© ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москва АО», 2014

© Shutterstock Inc., фото на обложке, 2014

Познание «непостижимого города»

Каждый город, даже небольшой, даже на первый взгляд «неинтересный», имеет свое лицо, свою душу. Составить описание города не очень сложно, а вот проникнуть в его суть дано далеко не всем. Тем более если речь идет о столице Российской империи – Санкт-Петербурге. Эту нелегкую задачу попытался решить Николай Павлович Анциферов – историк, краевед, основоположник комплексного метода изучения городской среды.

Н. П. Анциферов родился 13 (25) июля 1889 года в имении Софиевка Уманского уезда Киевской губернии. Его отец, действительный статский советник, с 1891 года был директором Никитского ботанического сада. Там, в Крыму, прошло счастливое детство Николая. После смерти отца он жил с матерью в Киеве, где учился в гимназии.

В 1909 году Николай Анциферов поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Наибольший его интерес вызывали занятия у профессора Ивана Михайловича Гревса – специалиста по Римской империи и средневековой городской культуре, разработавшего и применявшего на практике экскурсионный метод в преподавании истории. Студент Анциферов был в числе создателей кружка при Эрмитаже, одной из целей которого была подготовка руководителей экскурсий для проведения «культурной работы среди рабочих». Деятельность кружка прервалась с началом Первой мировой войны.

В 1914 году Николай Павлович женился на Татьяне Николаевне Оберучевой, слушательнице Высших женских курсов.

По окончании университета он отказался от научной карьеры, видя свое предназначение в просветительской деятельности.

Об отношении Анциферова к событиям октября 1917-го свидетельствуют его дневниковые записи: «17 октября. Грядущий день несет кровь. Куют восстание большевики. А мы все его ждем покорно как роковую силу». «24 октября. Начинается новый акт мучительной русской трагедии». «25 октября. Тяжелые мысли как тучи бродят в душе. Остается любовь к человеческой личности и вера в вечное».

В 1919 году супругов Анциферовых постигло огромное горе: у них умерли маленькие дочь и сын.

В первые годы при новой власти Николай Павлович продолжал заниматься пропагандой культурного наследия города на Неве. Он преподавал в средних и высших учебных заведениях, активно работал в краеведческом обществе «Старый Петербург», а с 1921 года – в Петроградском научно-исследовательском экскурсионном институте, одним из создателей которого был И. М. Гревс.

* * *

У Анциферова было немало трудов по изучению Петербурга и его окрестностей, по методологии и организации экскурсионного дела, градоведению. В издательстве «Брокгауз-Ефрон» одна за другой вышли три его книги: «Душа Петербурга» (1922), «Петербург Достоевского» (1923), «Быль и миф Петербурга» (1924).

«Душа Петербурга» – итог градоведческих изысканий автора. В предшествовавших исследованиях этого города – интереснейших работах А. Н. Бенуа, В. Я. Курбатова, Г. К. Лукомского, П. Н. Столпянского и других, изданных в 1900—1910-х годах, – Петербург рассматривался в основном в историко-архитектурном аспекте. Анциферов поставил перед собой задачу: «Через познание внешнего облика города к постижению его души». «В каком смысле можно говорить о душе города? – задает он вопрос и отвечает: – Исторически проявляющееся единство всех сторон его жизни (сил природы, быта населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовное бытие его граждан) и составляет душу города».

В его книге – методика познания, применимая практически к любому городу.

Автор разделяет точку зрения Л. Н. Толстого, который в «Войне и мире» «подсказывает нам путь нахождения целостного образа города: созерцание его с высокой точки при подходящем освещении». А потом, считает Николай Павлович, нужно побродить по улицам города, «без суеты и деловитости, с душой, открывшейся для тихого созерцания», узнать о прошлом его зданий и архитектурных ансамблей.

При познании души города важен и природный фактор, и время суток, и время года. Нельзя не согласиться с Анциферовым, что с Петергофом лучше знакомиться в солнечный летний день, а с Павловском – в ясный осенний вечер.

Большое внимание автор – одним из первых в российском градоведении – уделяет топонимии города: названиям улиц, переулков, гостиниц...

И, конечно, «для понимания души города мало своих личных впечатлений, как бы ни были они пережиты правдиво и сильно. Необходимо воспользоваться опытом других, живших и до нас».

Все эти методы автор блестяще применяет в своей книге в отношении Петербурга. Значительную ее часть занимает развитие образа Северной Пальмиры в произведениях русской литературы – от Сумарокова до Маяковского. Образ этот у разных литераторов различен, порой

диаметрально противоположен. «Образ города имеет свою судьбу, – пишет Анциферов, – каждая эпоха порождает свое особое восприятие; смена эпох создает постоянно меняющийся – текучий образ города и вместе единый в чем-то основном, составляющем его сущность как органического целого».

Светлый, величественный и прекрасный Петербург Державина, Батюшкова и Пушкина; «город гнетущей прозы и чарующей фантастики» Гоголя; «похоронный звон Петербургу» у Герцена, Тургенева и Григоровича; угрюмый и мрачный центр нарождающейся крупной промышленности у Некрасова; таинственный город мифа, в котором живет дух Петра Великого – у Андрея Белого, «непостижимая столица непостижимой страны» у Блока, «проникновенный свидетель поэм любви» у Ахматовой...

А что же сам Анциферов? Он подчеркивает: «Вряд ли найдется другой город в мире, который потребовал бы больше жертв для своего рождения, чем Пальмира Севера. Поистине Петербург город на костях человеческих». Он напоминает, что этот город создавался в неподходящих природных условиях, «наперекор стихиям». И делает вывод: «Перед нами город великой борьбы. Могуча сила народа, создавшего его, но и непомерно грандиозны задачи, лежащие перед ним, чувствуется борьба с надрывом. Великая катастрофа веет над ним, как дух неумолимого рока. Петербург – город трагического империализма». Такой город не может быть однозначен, не может быть нарисован только одной краской...

В «Петербурге Достоевского» город исследуется на произведениях одного писателя. «Мы можем предположить, – пишет Анциферов, – что Петербург со своими улицами, каналами, отдельными домами подсказывал Достоевскому индивидуальные образы героев и определял их судьбу».

Будучи краеведом, автор предлагает читателю маршруты литературных прогулок: первой – по сохранившимся уголкам старого города, запечатленным писателем в его произведениях; второй – «прохождение по следам героев Достоевского», в частности, действующих лиц «Преступления и наказания». Дома, в которых жили Родион Раскольников, Сонечка Мармеладова и другие персонажи романа, можно определить с достаточной степенью вероятности по косвенным признакам, которые приводит писатель на страницах своей книги. И Анциферов, словно заправский сыщик, «вычисляет» эти дома и делится с нами результатами своих поисков...

По «экскурсионному» принципу построено и исследование «Быль и миф Петербурга».

В первой части этой книги автор проводит читателя по местам, с которых начиналась будущая столица. Вспомнив историю создания города и обзрев с вышки Исаакиевского собора районы, занятые первыми сооружениями Петровской эпохи, мы затем подробно знакомимся с Петропавловской крепостью и Петроградским островом (во времена Петра Великого он назывался Городским, до 1914 года – Петербургским островом).

Вторая часть, названная «Миф о „строителе чудотворном”», – это экскурсия, посвященная пушкинскому «Медному Всаднику», в котором преломляется петербургская легенда, надевшая Петра I чертами основателя города в античном аспекте. Для самого же Анциферова памятник императору – *genius loci*¹ (гений места) Петербурга, воплощение духа-покровителя Северной Пальмиры.

* * *

Издание трех книг по времени совпало с радостными событиями в семье Анциферовых: в 1921 году появился на свет их сын Сергей, а в 1924-м – дочь Таня. А потом настали тяжелые времена...

¹ *Genius loci* – гений места, дух-хранитель (покровитель) в римской мифологии.

После ликвидации экскурсионного института в 1924 году Николай Павлович стал научным сотрудником Петроградского отделения Центрального бюро краеведения (ЦКБ); по поручению этой организации не раз выезжал в разные города России для ознакомления с тамошней краеведческой работой. «От судьбы краеведческого движения зависит многое <...> в судьбе нашей культуры», – писал он.

Но уже с середины 1920-х годов историко-культурное направление в краеведении стало вытесняться производственным: внедрялось механистическое изучение города в виде набора достопримечательностей; город вообще исследовался только в соответствии с потребностями социалистического строительства. По всей стране начались гонения на видных краеведов.

Весной 1929 года Анциферов был арестован по делу религиозно-философского кружка «Воскресенье», созданного в 1917 году А. А. Мейером. Участники кружка верили в возможность соединения социализма с христианством, а им инкриминировалось «воскресение старого режима». И хотя Николай Павлович уже давно отошел от «Воскресенья», ему вменили в вину былое участие в кружке. Приговор – два года ссылки на Соловки. Тогда же, в 1929-м, умерла от туберкулеза его жена.

Через год – новое следствие. «За идеологические происки на экскурсионном фронте» Анциферову добавили срок и отправили на строительство Беломоро-Балтийского канала.

После освобождения осенью 1933 года Николай Павлович, недолго пробыв в Ленинграде и повидавшись с жившими у родственников детьми, перебрался в Москву, опасаясь нового ареста. Он женился на Софье Александровне Гарелиной, с которой уже давно был знаком по экскурсионной деятельности. Весной 1937 года – снова арест, восемь лет заключения за «контрреволюционную деятельность». Отбыв два года в Уссурийском лагере, Анциферов был освобожден, дело его прекращено.

В 1940–1956 годах он работал в Литературном музее. В 1944-м защитил кандидатскую диссертацию «Проблемы урбанизма в русской художественной литературе (Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций)».

Его сын умер в блокадном Ленинграде. Только в 1948 году Николай Павлович узнал, что его дочь Татьяна, угнанная на работы в Германию, жива, находится в США и работает на радиостанции «Голос Америки».

В 1946 году была издана книга Анциферова «Пригороды Ленинграда: города Пушкин, Павловск и Петродворец». В 1950-м опубликованы его работы «Москва Пушкина», «Пушкин в Царском Селе», «Петербург Пушкина». При знакомстве с последней, включенной в настоящий сборник, нужно помнить, что это исследование писалось в пору вульгарно-социологического подхода к литературе и специально к 150-летию юбилею поэта. И потому в «Петербурге Пушкина», при всех его достоинствах, уже нет той свободы творческой мысли, которая присуща «Душе Петербурга».

Только в 1992 году увидела свет книга воспоминаний Анциферова «Из дум о былом», охватывающих конец XIX-го – первую треть XX века.

Николай Павлович Анциферов скончался в Москве 2 сентября 1958 года.

В 1989 году в Ленинграде впервые состоялись Анциферовские чтения. После перерыва они были возрождены под эгидой Санкт-Петербургского союза краеведов в 2008 году. В 1995-м учреждена Анциферовская премия за лучшие современные работы по истории города.

Наталья Дорохина

Душа Петербурга

Genius loci Петербурга

I

«Toute la suite des hommes, pendant le cours de tant de siècles, doit être considérée comme un meme homme qui subsiste toujours et apprend continuellement»².

Pascal, «Pensées».

Прав ли Паскаль? Можно ли смотреть на историю человечества, как на историю человека, который был всегда и учился беспрестанно? Есть ли история – биография рода человеческого? Этот взгляд предполагает такое единство рода и такую цельность, какими обладает только личность. Присуще ли это процессу развития человечества? Как бы ни был велик материал, дающий возможность широко пользоваться обобщениями и усматривать в истории ряд повторяющихся процессов, все же совокупность этих процессов создает неповторяемое единство, да и каждый из этих процессов можно назвать повторяющимся только в самых общих чертах. Вместе с Паскалем можем и мы рассматривать историю человечества как индивидуальный целостный и единый процесс, а род человеческий (*genus humanum*) как живой организм. Человечество, с этой точки зрения, представляет собою таким образом из начала существующее целое, все элементы которого способны существовать только в системе этого целого. Так, сердце, мозг, глаза человека могут быть действительны только в живом человеке. Каждый элемент организма может представлять собою также организм, но только в связи со своим целым; бытие его получает полноту своего значения. К ясному восприятию органичности рода человеческого можно прийти только путем постижения органичности составляющих его частей. Каждый культурно-исторический организм представляет собою весьма сложный комплекс культурных образований, находящихся во взаимной зависимости друг от друга, столь тесной, что какое-либо изменение в одном из них влечет за собою изменение во всем организме. Ип. Тэн, характеризуя культуру зарождающегося абсолютизма во Франции, стремится установить общие черты среди столь чуждых явлений, как меркантилистическая политика Кольбера³, стихосложение Буало⁴, богословская концепция Боссюэ⁵ «Града Божьего» и стриженные аллеи Версаля. Одним словом, Тэн стремится найти стиль, присущий всем явлениям культурно-исторического типа данной эпохи. А мысля культуру данной эпохи как нечто органическое, как бы живое, можно сказать: найти *genius aevi*, «дух века».

А. И. Герцен, столь мало теоретически знакомый с проблемами философии истории, своим чутьем подошел к этой задаче и дал нам мимоходом набросок, освещающий эту проблему. В своей статье «Venezia la bella» он пытается представить город как живой организм.

«Вода, море, их блеск и мерцание обязывают к особой пышности. Моллюски отделяют перламутром и жемчугом свои каюты... Земли нет, деревьев нет, что за беда! Давайте еще больше резных камней, больше орнаментов, золота, мозаики, ваяния, картин, фресок. Тут остался пустой угол – худого бога морей с длинной мокрой бородой в угол! Тут порожний

² «Toute la suite des hommes... continuellement» – «Все поколения людей на протяжении многих веков можно рассматривать в виде одного человека, который существует вечно и постоянно совершенствуется» (*фр.*) – писал французский мыслитель Блез Паскаль (1623–1662).

³ Кольбер Жан Батист (1619–1683) – французский экономист и государственный деятель, сторонник меркантилизма, жесткой налоговой политики.

⁴ Буало – Буало-Депрео Никола (1636–1711) – французский поэт и критик.

⁵ Боссюэ – Боссюэ Жак Бенинь (1627–1704) – французский оратор и писатель, епископ, один из главных идеологов католицизма.

уступ – еще льва с крыльями и с Евангелием св. Марка. Там голо, пусто – ковер из мрамора и мозаики туда! Кружева из порфира туда! Победа ли над турками, над Генуей, папа ли ищет дружбы города – еще мрамора, целую стену покрыть иссеченной занавесью и, главное, еще картин. Павел Веронезе, Тинторетто, Тициан – за кисть, на помост: каждый шаг торжественного шествия морской красавицы должен быть записан потомству кистью и резцом».

Как тонко здесь установлена связь между пышностью Венеции и ее несравненного искусства с положением ее среди пустынных лагун. Как хорошо поясняет эту органическую связь сравнение с моллюском, убирающим свое жилище жемчугом!

Герцен на основании общего обзора города дает характеристику его души.

«Один поверхностный взгляд на Венецию показывает, что это город крепкий волей, сильный умом, республиканский, торговый, олигархический, что это – узел, которым привязано что-то за водами, – торговый склад под военным флагом: город шумного веча и беззвучный город тайных совещаний и мер»...

Как же можно ознакомиться с исторически сложившимся культурным организмом, чтобы ярко пережить его, ибо без познания его нельзя живо ощущать ход истории как жизненный процесс?

Мало ознакомиться с обрисовкой исторического организма в определенную эпоху – нужно получить представление о его зарождении, развитии, полном моментами преуспеяния, упадка и возрождения, – словом, проследить судьбы его борьбы за историческое бытие. Какой же организм избрать для этой цели? Город ли, государство Эллады, Римскую империю или же какой-нибудь малый образец: рыцарский орден, политическую партию, художественную школу? Все они не представляют достаточно конкретный материал, хотя каждый из них имеет свою «душу», своего, только ему присущего, гения.

Какой же культурно-исторический организм легче и полнее раскроет свою душу? Его нетрудно найти. Это родной город.

II

Город мы воспринимаем в связи с природой, которая кладет на него свой отпечаток, город доступен нам не только в частях, во фрагментах, как каждый исторический памятник, но во всей своей цельности; наконец, он не только прошлое, он живет с нами своей современной жизнью, будет жить и после нас, служа приютом и поприщем деятельности наших потомков. Город – для изучения самый конкретный культурно-исторический организм. Душа его может легко раскрыться нам. Так, тосканский город Сьена обещает не только изучающему его, но даже каждому входящему в него, раскрыть не только ворота, но и сердце. На его Porta Camolia сохранилась надпись: «Cor tibi magis Sena pandit»⁶.

Как же подойти к городу, чтобы раскрылась его душа? Тютчев учил нас чувствовать природу:

Не то, что мните вы, природа,
Не слепок, не бездушный лик.
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Как же научиться понимать язык города? Как вступить с ним в беседу? Ни в коем случае не следует превращать город в музей достопримечательностей⁷, которые показываются при

⁶ «Cor tibi magis Sena pandit» – «Больше, чем ворота, Сиена открывает тебе сердце» (лат.).

⁷ Под музеем в данном случае подразумевается «хранилище раритетов». К счастью, в последнее время стали иначе смот-

экскурсиях, как невежественными фантазерами-гидами, так и специально подготовленными руководителями.

Экскурсия должна быть постепенным покорением города познанию экскурсантов. Она должна раскрыть душу города и душу, меняющуюся в историческом процессе, освободить ее из материальной оболочки города, в недрах которой она сокрыта, провести таким образом процесс спиритуализации города. Тогда явится возможность вызвать беседу с душой города и, быть может, почувствовать некоторое подобие дружбы с ним, войти с ним в любовное общение...

Тонкая ценительница Италии – Вернон Ли⁸, глубоко почувствовавшая ее искусство и природу, пишет: «Места и местности... действуют на нас, как живые существа, и мы вступаем с ними в самую глубокую и удовлетворяющую нас дружбу». И она перечисляет дары дружбы с этим «нечеловеческим существом»: очарованность, подъем духа, счастливое просветление чувств, воспоминания, которые звучат в нашей душе подобно мелодии. Вернон Ли вспоминает один образ из римской религии – *Genius loci*, божество местности. От античности сохранились нам изображения олицетворенных городов. И ныне мы находим в Париже статуи городов на площади «Согласия», порожденные античной традицией. Город символизируется в виде величественных женщин, увенчанных коронами из зубчатых стен и башен. Вернон Ли справедливо протестует против этой подмены существа духовного материальным образом, не имеющим с ним внутренней связи. Видимое воплощение божества местности – это «сам город, сама местность, как она есть в действительности; черты, речь его – это форма земли, наклон улиц, звуки колоколов или мельниц и больше всего, быть может, особенно выразительное сочетание города и реки»... и мы добавим еще: запахи города. Но есть в городе уголки, где мы чувствуем особое присутствие этого «божества».

Вот этот мост дугой над тихой канавкой, сжатой тяжелым гранитом, эта приземистая желтая башня, подпирающая арку дворца, из-под которой видна широкая река, покрытая тихо шелестящими льдинами, подобно стае лебедей, медленно свершающих свой путь, и там за рекой стены мрачной крепости, над которыми вознеслась сверкающая игла, увенчанная архангелом, – все это единство звуков, красок, форм, игры света и тени, наконец, чувства пространства – составляет целлу храма, где обитает сам *genius loci*.

III

Описать этот *genius loci* Петербурга сколько-нибудь точно – задача совершенно невыполнимая. Даже Рим, который был предметом восхищенного созерцания около двух тысяч лет, не нашел еще точного определения сущности своего духа. Правда, такой подход к городу как к живой индивидуальности, которой хочешь не только поклониться (это знал и древний мир), но и познать ее, – такой подход – явление недавнего времени. Однако Вечный город оставил такое обилие следов, запечатленных им на душах созерцавших его, что задача описания «чувства Рима» представляется благодарной. Что же сказать о Петербурге, на возможность восхищения которым указал только двадцать лет тому назад Александр Бенуа, и его слова прозвучали для одних как парадокс, для других – как откровение!

Не следует задаваться совершенно непосильной задачей – дать определение духа Петербурга. Нужно поставить себе более скромное задание: постараться наметить основные пути, на которых можно обрести «чувство Петербурга», вступить в проникновенное общение с гением его местности.

реть на музей, стремиться представить собрание таким образом, чтобы оно создавало стройные и законченные комплексы впечатлений; более того, в музее стали видеть органическую часть города. Примером такого музея может служить Museo Nazionale в термах Диоклетиана в Риме.

⁸ Вернон Ли. «Италия. *Genius loci*», русск. изд. Сабашниковых. – М., 1914 г.

Прежде всего, нужно помнить, что *genius loci* требует ясного взора, не отуманенного хотя бы подсознательными, произвольными образами. Нужно помнить судьбу немецких романтиков, живших сложной, глубокой и яркой внутренней жизнью и, вместе с тем, столь произвольной. Эти мечтатели, попадая в Рим, томились, не встречая в нем своей фантастики, а более из них ослепленные наполняли его своими призраками, и подлинный город не доходил до их сознания. Всюду они видели только себя, только отражение своих фантазий. *Genius loci* в этом смысле требует известного самозабвения, очищения себя от предвзятых, непроверенных впечатлений, от мало обоснованных желаний.

Нужно раскрыть свою душу для подлинного восприятия души города.

С чего начать изучение города для постижения его души? При каких условиях легче всего ощутить его индивидуальность?

Л. Н. Толстой в своей эпопее «Война и мир» подсказывает нам правильный путь нахождения целостного образа города: созерцание его с высокой точки при подходящем освещении.

«Блеск утра был волшебный. Москва с Поклонной горы расстилалась просторно с своей рекой, своими садами и церквями и, казалось, жила своей жизнью трепеща, как звезды, своими куполами в лучах солнца.

«При виде странного города с невиданными формами необыкновенной архитектуры, Наполеон испытывал то несколько завистливое и беспокойное любопытство, которое испытывают люди при виде форм не знающей о них, чуждой жизни. Очевидно, город этот жил всеми силами своей жизни. По тем неопределенным признакам, по которым на дальнем расстоянии безошибочно узнается живое тело от мертвого, Наполеон с Поклонной горы видел трепетание жизни в городе и чувствовал как бы дыхание этого большого красивого тела. Всякий русский человек, глядя на Москву, чувствует, что она мать; всякий иностранец, глядя на нее и не зная ее материнского значения, должен чувствовать женственный характер этого города; и Наполеон чувствовал его».

Здесь с изумительной силой выражено восприятие города как нечеловеческого существа с его таинственной жизнью, трепещущей в его плоти, сияющей в его душе. Л. Н. Толстой проникает в стихию этой жизни и определяет ее как стихию женственную, объективно ей присущую и субъективно воспринимаемую русским как материнскую. Такое виденье образа Москвы возможно лишь при условии одновременного ее восприятия с вершины горы или колокольни.

Для постижения души города нужно охватить одним взглядом весь его облик в природной раме окрестностей. Проф. И. М. Гревс рекомендует начинать «завоевание» города с посещения какой-либо вышки. Так, хорошо в Риме прежде всего подняться на Яникульский холм или в сады Monte Pincio⁹; Венецию и Флоренцию обозреть с высоты их стройных кампанилл; Париж – с холма Монмартра, из купола храма Святого сердца. Проф. И. М. Гревс справедливо отмечает, что виды *à vol d'oiseau*¹⁰ мало привлекательны в эстетическом отношении, но для изучения топографии они много дают¹¹. И действительно, все представляется плоским, неровности города стираются, перед нами едва намеченный барельеф, приближающийся к плану. Но созерцающий получает возможность увидеть город в рамке окружающей его природы, а без этого его образ не получит завершенности и, следовательно, не сможет быть воспринят как органическое целое. Мы почувствуем здесь воздух местности, которым дышит город. Природа словно входит в город, а город бросает свой отблеск на окружающий пейзаж. Появляется таинственное чувство зарождения города, мы ощущаем его истоки. Легко представить, глядя на широкое пространство, что было время, когда здесь бор шумел, и ничего не было, и мы переживаем плодотворный образ материнского лона города и его зарождения. Мы можем отметить

⁹ Так начинает осмотр Рима аббат Пьер Фроман в романе Золя «Рим».

¹⁰ *à vol d'oiseau* – с высоты птичьего полета (*фр.*).

¹¹ И. М. Гревс. «К теории и практике экскурсий» («Журн. Мин. нар. просв.», 1910 г.).

места, а то и следы предшественников города, стертые или поглощенные их счастливым соперником. Мы можем выделить первоначальное ядро города, ощутить ярко, конкретно его рост – постепенное покорение территории.

Словом, пристальный – анализирующий и синтезирующий – взгляд с птичьего полета дает самое главное: город ощущается как «нечеловеческое существо», с которым устанавливается поверхностное знакомство и, может быть, даже здесь полагается начало усвоению его индивидуальности, конечно, в самых общих чертах.

Здесь же мы можем иногда установить даже, к какому типу относится изучаемый город. К тем ли, что возникают стихийно, развиваясь свободно, подобно лесу. Корни таких городов уходят в глубь, до которой не докопаться лопате историка, в глубь, обвеянную таинственными мифами, смысл которых не всегда ясен исследователям. Или же он принадлежит к типу тех городов, что создавались в обстановке уже развитой и сложной культуры, вызванные к бытию общегосударственными потребностями, подобные парку с правильными аллеями, на устройстве которых лежит печать сознательного творчества человека. К типу первых городов принадлежат Рим, Москва... Эти города развивались действительно стихийно. Улицы спутаны, вырастают одна из другой, как ветви могучего дерева, вливаются одна в другую или в площади, как реки, зарождающиеся из озер или протекающие через них. Все на первый взгляд кажется случайным, какой-то прихотью неведомых сил, творивших город. Более внимательный анализ плана дает возможность открыть известную логику в росте города: вокруг ядра наслаиваются новые круги, в этом случае план города напоминает разрез ствола дерева. Ко второму типу можно отнести Нью-Йорк, отчасти Флоренцию¹² и наш Петербург. Правильные линии Васильевского острова, бесконечно длинные проспекты сходящиеся радиусами к Адмиралтейству, – уже одно это указывает, к какому типу следует отнести Петербург.

Общий взгляд на Петербург уже подсказал нам многое. Перед нами город, возникший в эпоху зарождающегося империализма, в эпоху, когда мощный народ разрывает традиционные пути замкнутого национального бытия и выходит на всемирно-историческую арену, мощно влекомый волею к жизни, волею к власти. Оторванность этой новой столицы от истоков национального бытия, о чем свидетельствует и природа, столь отличающаяся от природы Русской земли, и чуждое племя, ютящееся в окрестностях города, – все это говорит о трагическом развитии народа, заключенного судьбой в пределы, далекие от вольного моря-океана, народа, который должен либо стать навозом для удобрения культур своих счастливых соседей, либо победить, встав на путь завоевательной политики. И само существование столицы на покоренной земле говорит о торжестве ее народа в борьбе за свое историческое бытие и о предназначении ее увенчать великую империю и стать Северной Пальмирой¹³.

¹² Во Флоренции донныне ясно можно установить традиционный план сразу построенного города по типу римского лагеря; крест из двух главных улиц – *cardo maximus* и *decumanus maximus*. Посреди площадь – *forum* (*forum* – форум, центральная площадь в древнеримских городах (*лат.*) с кремлем – *arx* (*arx* – крепость (*лат.*)).

¹³ Для русского слуха в этом эпитете звучит особая мощь из-за звукового сходства с «полмира»!

Перед нами город, возникший в эпоху зарождающегося империализма.

Столица на отвоеванной земле указывает и на возможность бурного разрыва с прошлым, свидетельствует о революционности своего происхождения, об обновлении старого быта, ибо неизбежен здесь обильный приток свежего, порой животворящего, а порой и мертвящего, ветра из краев далеких. Общий вид города говорит и о трудности его рождения, о поте и крови, затраченных на то, чтобы вызвать его к жизни, и вместе с тем о деспотическом характере государства, создавшего его, о рабстве народа, покорно отдававшего свою жизнь на закладку города, к которому он питал враждебное чувство. Седая старина знает о человеческих жертвоприношениях при закладке города, и до сих пор археологи находят кости человеческих жертв под стенами древних городов. Вряд ли найдется другой город в мире, который потребовал бы больше жертв для своего рождения, чем Пальмира Севера. Поистине Петербург – город на костях человеческих. Туманы и болота, из которых возник город, свидетельствуют о той египетской работе, которую нужно было произвести, чтобы создать здесь, на зыбкой почве, словно сотканной из туманов, этот «Парадиз». Здесь все повествует о великой борьбе с природою. Здесь все «наперекор стихиям». В природе ничего устойчивого, ясно очерченного, гордого, указывающего на небо, и все снизилось и словно ждет смиренно, что воды зальют печальный край. И город создается, как антитеза окружающей природе, как вызов ей. Пусть под его площадями, улицами, каналами «хаос шевелится» – он сам весь из спокойных прямых линий, из твердого, устойчивого камня, четкий, строгий и царственный, со своими золотыми шпицами, спокойно возносящимися к небесам.

Орлиный взгляд с высоты на Петербург усмотрит и единство воли, мощно вызвавшей его к бытию, почует строителя чудотворного, чья мысль бурно воплощалась в косной материи. Здесь воистину была борьба солнечного божества космократора Мардука с безликой богиней хаоса Тиамат!¹⁴ Да, без образа Петра Великого не почувствовать лица Петербурга! Вяземский под пыткой свидетельствовал, что при Петре пели, льстя ему: «Бог иде-же хочет, побеждается естества чин».

Почти у подножия Исаакия, на площади, с двух сторон замкнутой спокойными, ясными и величественными строениями Адмиралтейства, Синода и Сената, омываемой с третьей царственной Невой, стоит памятник Петру Первому, поставленный ему Екатериной Второй: *Petro Primo Catharina Secunda*¹⁵. Если кому-нибудь случится быть возле него в ненастный осенний вечер, когда небо, превращенное в хаос, надвигается на землю и наполняет ее своим смятием, река, стесненная гранитом, стонет и мечется, внезапные порывы ветра качают фонари, и их колеблющийся свет заставляет шевелиться окружающие здания – пусть всмотрится он в такую минуту в Медного Всадника, в этот огонь, превратившийся в медь с резко очерченными и могучими формами. Какую силу почувствует он, силу страстную, бурную, зовущую в неведомое, какой великий размах, вызывающий тревожный вопрос: что же дальше, что впереди? Победа или срыв и гибель?

Медный Всадник – это *genius loci* Петербурга.

Перед нами город великой борьбы. Могуча сила народа, создавшего его, но и непомерно грандиозны задачи, лежащие перед ним, чувствуется борьба с надрывом. Великая катастрофа веет над ним как дух неумолимого рока.

Петербург – город трагического империализма.

IV

Годы вносили в строгий и прекрасный покров Северной Пальмиры все новые черты империализма. словно победоносные вожди справляли здесь свои триумфы и размещали трофеи по городу. А Петербург принимал их, делал своими, словно созданными для него. На набережной Невы, против тяжелого и величественного корпуса Академии Художеств, охраняя ее гранитную пристань, поместились два сфинкса – с лицом Аменготепа III Великолепного, фараона времен блеска Египетской империи.

И эти таинственные существа, создание далеких времен, отдаленных стран, чуждого народа, здесь, на берегах Невы, кажутся нам совсем родными, вышедшими из вод великой реки столицы Севера охранять сокровища ее дворцов. Хорошо посидеть здесь, под ними, на полукруглых гранитных скамьях и, глядя на то, как плещутся воды, вспомнить стихи Вячеслава Иванова:

Волшба ли ночи белой приманила
Вас маревом в полон полярных див,
Два зверя-дива из стовратых Фив?
Вас бледная ль Изиды полонила?
Какая тайна вам окаменила
Жестоких уст смеющийся извив?
Полночных волн немолкнувший разлив
Ваш радостней ли звезд святого Нила?

¹⁴ ...космократора Мардука с безликой богиней хаоса Тиамат! – см. с. 320 «Были и мифа Петербурга».

¹⁵ *Petro Primo Catharina Secunda* – надпись на постаменте Медного Всадника: «Петру Первому Екатерина Вторая» (лат.).

А на краю города, за речкой Карповкой, другие пленники жарких стран, родные сфинксам пальмы в тропическом уголке Ботанического сада и среди них романтическая *Attalea grisea*, героиня рассказа Гаршина. Вот и попала «прекрасная пальма», о которой грезил одинокая сосна, покрытая снежной ризой, из края, «где солнца восход», на север далекий¹⁶.

Рядом с Зимним дворцом, вплотную к нему, высится здание Эрмитажа – «места уединения». Блуждая по нему, можно «приобщиться душой к бесконечности пространств и времен» (Бунин). Нас окружит здесь мир образов далекого Египта, светлой Эллады, и могучего Рима, и царства неукротимых скифов, нас озарит здесь радость возрождения и блеск прекрасной Франции.

Северная Пальмира, лелея мечту о великодержавстве, хранит все это в своих недрах.

Она позвала лучших архитекторов Европы, чтобы они своими зданиями поведали миру о желаниях столицы севера.

При въезде в Неву чужестранца встречает стройная и суровая колоннада Горного института¹⁷ дорического ордена. Воздвиг ее здесь, как пропилеи Петербурга, Воронихин, вдохновленный храмами Пестума – древней Посейдонии, города бога морей.

На остром углу Васильевского острова, против храма Плутоса – Биржи, высятся две колонны¹⁸, украшенные носами кораблей в память тех роств, что некогда стояли на римском форуме. Римляне, одержав первую морскую победу, выставили напоказ всем гражданам корабельные носы вражеских судов. Ростры – символ владычества над морем, и не случайно они украсили одно из самых заметных мест Петербурга.

У Мойки остров, обнесенный высокой красной стеной. Канал разрывает ее, а над каналом высится величественная арка¹⁹, достойная украсить Вечный город. Стройно вознеслась она над каналом, словно призывая победоносные галеры пройти под собою. И стоит она здесь в глухом месте города, точно лишняя, и чернеют под ней мачты кораблей на фоне неугасающей зари белых ночей. И кажется она каким-то призраком. На этой Новой Голландии лежит тоже печать трагического империализма.

На самой древней площади города, возле Троицкого храма, возносит свои минареты навстречу хмурому небу голубая мечеть²⁰. Новый образ необъятной империи, уносящий мысль в далекие края Востока, к славному городу Самарканду. А недалеко от нее, у Невы, против домика Петра Великого, два маньчжурских льва – свидетели дальневосточных устремлений.

Страны юга, запада и востока имеют своих заложников в Северной Пальмире. Воля к великодержавству чувствуется в Петербурге. О каких же границах мечтает он? Не о тех ли, которые набросал нам Тютчев в своей «Русской географии»?

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги до Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот Царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

Хорошо желающему понять душу нашего города посетить все эти места Петербурга, побродить среди мощных колонн Горного института, вызывая образы лучших дорических хра-

¹⁶ Изумительная петербургская оранжерея погибла от холода во время разрухи последних лет.

¹⁷ *Горный институт* – первое в России высшее техническое учебное заведение, построено в 1806–1811 гг.

¹⁸ ...*две колонны* – ростральные колонны у бывшего здания Биржи, построены по проекту Тома де Томона в 1805–1810 гг.; служили маяками при входе в порт.

¹⁹ ...*величественная арка* – построена архитектором Ж.-Б. Валлен-Деламотом в конце XVIII в. в составе ансамбля «Новой Голландии».

²⁰ ...*голубая мечеть* – построена по проекту архитектора Н. В. Васильева в 1910–1913 гг.

мов, уносясь мечтой под благодатное небо Эллады и Италии, посидеть на гранитных плитах у подножия сфинксов, насытить душу сокровищами Эрмитажа, полюбоваться с Троицкого моста вереницей белых колонн Биржи и двумя красными роcтрами (когда же, наконец, очистят площадь перед ними?), что виднеются за раздольем невоской шири, и, наконец, в белую ночь постоять у Мойки перед аркой Новой Голландии...

И все это без суеты и деловитости, с душой, открывшейся для тихого созерцания. В такие минуты между вами и городом родится незримая связь, и его *genius loci* заговорит с вами.

* * *

Как уже было сказано выше, Петербург следует отнести к типу тех городов, которые возникли в силу сложных потребностей развивающегося государства. Такие города создавались по определенному плану, а не развивались чисто стихийно, и они носят печать своего создателя²¹.

Счастливая особенность Петербурга заключается в том, что целые площади его построены по одному замыслу и представляют собой законченное художественное целое.

Архитектура Петербурга требует широких пространств, далеких перспектив, плавных линий Невы и каналов, небесных просторов, туч, туманов и инея. И ясное небо, четкие очертания далее так же помогают нам понять архитектурную красоту строений Петербурга, как и туманы в хмурые, ненастные дни. Здесь воздвигались не отдельные здания с их самодовлеющей красотой, а строились целые архитектурные пейзажи. На всех «ответственных местах» превосходные здания. Если смотреть с Троицкой площади на восток – панорама Невы завершается силуэтом Смольного института. Отделение Малой от Большой Невы со стороны Васильевского острова отмечено белоколонной биржей Томона, с Петербургской стороны – Петропавловской крепостью. Непрерывная цепь старинных зданий делает красивый изгиб, соединяя Биржу с грандиозной постройкой Деламота – Академией Художеств. С этой стороны Нева замыкается колоннадой Горного института. Три бесконечных проспекта: Невский, Гороховая и Вознесенский – упираются в Адмиралтейство. Далеко видимый угол Невского у Мойки украшен Строгановским дворцом Растрелли и т. д. Все эти здания оживают и раскрывают свою красоту как части городского пейзажа.

В качестве примера площади, созданной как единый художественный замысел, может явиться Сенатская площадь.

Захаров и Росси окружили ее бледно-желтыми с белыми колоннами и орнаментами строениями позднего классицизма. Дворцовая площадь, правда, не создана в одном стиле, однако ее дворцы, мощная арка Генерального штаба, заставляющая вспомнить гигантский размах дуги базилики Константина на Римском форуме, гранитная колонна с ангелом, грозно указующим на небо, ее широкие перспективы на Мойку, на сады, за которыми темнеет громада Исаакия и сверкает его купол темного золота, и, наконец, выход к Неве и очертания островов с их строениями – все это составляет одно художественное целое, один несравненный архитектурный аккорд. Есть, наконец, в Петербурге целый квартал, созданный по плану одного архитектора (Росси). Это площадь Александрийского театра (к сожалению, изуродованная несколькими нелепыми новыми домами), вся Театральная улица и площадь у Чернышева моста. Было где строителю разгуляться на воле!

Эти «урочища» Петербурга представляют редчайшую архитектурную ценность. Столько смелых замыслов получило здесь возможность воплотиться! Но Петербург может быть назван

²¹ Я не упускаю из виду отрицательного отношения Столянского к легенде о чудотворном строителе. Если он прав, и Петербург не был создан Петром с целью «грозить шведам», и вообще Петр не сразу наметил его для новой столицы, все же в общих чертах старая оценка роли Петра в создании города остается верной. См.: П. Н. Столянский. «Санкт-Петербург», изд. «Колос», 1918 г.

и «приютом несовершенных дел». Мечта Петра создать из Васильевского острова новую Венецию осталась мечтой. Чудесная колокольня не увенчала собою величественные постройки Смольного института. Глядя на безвкусные новые здания, испортившие вид на Адмиралтейство с Невы, с горечью вспоминаешь о римской мечте Росси. Вот содержание его записки:

«Размеры предлагаемого мною проекта превосходят те, которые римляне считали достаточными для своих памятников. Неужели побоимся мы сравниться с ними в великолепии? Цель не в обилии украшений, а в величии форм, в благородстве пропорций, в нерушимости. Этот памятник должен стать вечным». Далее Росси вкратце излагает суть проекта. Новая набережная должна была иметь 300 сажен длины, причем ее прорезывали десять огромных арок в 12 сажен ширины каждая. Вышина их была достаточна для того, чтобы под ними свободно могли проходить по каналам суда в Адмиралтейство. Все это Росси предлагал возвести из гранита. На набережной он ставил три огромных ростральных колонны на могучих массивах...²²

Это свойство Петербурга рождал грандиозные проекты присуще ему и поныне. Вспомним хотя бы проект «Нового Петербурга» Фомина на острове Голодае, проект целого комплекса площадей, колоннад, арок и фронтонов. Недавно созданный «Музей города» приютил эти невоплотившиеся замыслы, рожденные широкими возможностями, отчасти осуществленными в Петербурге, полном пафоса шири.

И теперь, в дни голода и холода, полной разрухи, мы встречаемся с планом превращения в короткий срок необъятных пространств Марсова поля в цветущий сад!

В заключение общей характеристики города следует отметить еще одну черту: власть города над творчеством архитекторов чужих краев, несмотря на всю гениальность некоторых из них. Эта власть дает нам право говорить о творениях Растрелли, Томона, Кваренги как созданиях русского стиля. Александр Бенуа, указывая на своеобразную физиономию нашего города, столь долго и упорно отрицавшуюся, говорит:

«...Только намерение было сделать из Петербурга что-то голландское, а вышло свое, особенное, ну ровно ничего не имеющее общего с Амстердамом или Гаагой. Там узенькие особнячки, аккуратненькие, узенькие набережные, кривые улицы, кирпичные фасады, огромные окна... – здесь широко расплывшиеся, невысокие хоромы, огромная река с широкими берегами, прямые по линейке перспективы, штукатурка и небольшие оконца» («Мир Искусства», 1902, № 1).

Эта черта Петербурга свидетельствует о цельности его, о глубокой органичности. Все прекрасное становится его частью, усваивается им, одухотворяется своеобразной стихией города.

Эту черту столица великой империи передала своему избранному сыну и певцу – Пушкину, с его «всечеловеческой душой, способной ко всемирной отзывчивости» (Достоевский). И только уродство остается как болезненный нарост на величавом организме города. Бесхарактерная эпоха конца XIX века испортила строгий облик Петербурга своими строениями в ложнорусском стиле, своим неархитектурным «стилем модерн» и, наконец, столпотворением вавилонским всех стилей, лишенных своей души.

V

Так, всматриваясь во внешний облик города, мы выделяем в нем наиболее существенные черты, определяющие его характер.

Хорошо, однако, приобщить к видимому городу незримый мир былого. Прошлое, просвечивая сквозь настоящее, углубляет наше восприятие, делает его более острым и чутким, и нашему духовному взору раскрываются новые стороны, до сих пор скрытые. Созерцание ста-

²² И. Э. Грабарь. «История русского искусства», вып. 17.

рого дома возвращает нам мир, который видел этот дом юным, и воскресший мир дает возможность видеть то, что прежде оставалось незримо.

К этому одухотворению, порождаемому историческим чувством, удачно прибегает Андрей Белый в своем романе «Петербург», например, при описании Михайловского замка.

Прежде всего набросок строения: «Страшное место увенчивал великолепный дворец; вверх протянутой башней напоминал он причудливый замок: розово-красный, твердокаменный; венценосец проживал в стенах тех; не теперь это было, венценосца того уже нет. Во Царствии Твоем помяни его душу, о Господи!»

Историческое чувство пробуждено. Вызван образ несчастного императора. «Вероятно, не раз появлялась курносая в белых локонах голова в амбразуре окна! Вон окошко, не из того ли? Какая конкретизация. «И курносая в локонах голова томительно дозировала пространства за оконными стеклами; и утопали глаза в розовых угасаниях неба». Наиболее ярко можно ощутить Павла I, если представить то, что он созерцает в данную минуту. «У подъезда стоял павловец-часовой в треугольной шапке с полями и брал ружьем на караул при выходе златогрудого генерала в андреевской ленте, направлявшегося к золотой, расписанной акварелью карете, краснопламенный высился кучер с приподнятых козел; на запятках кареты стояли губастые негры».

«Император Павел Петрович, окинувши взглядом все это, возвращался к сентиментальному разговору с кисейно-газовой фрейлиной, и фрейлина улыбалась; на ланитах ее обозначались две лукавые ямочки и черная мушка».

Но мирная картина исчезает. Страшные образы трагедии 1801 года сменяют ее. Не стало императора – мальтийского рыцаря.

«А луна продолжала струить свое легкое серебро, падало оно на тяжелую мебель императорской спальни; падало на постель, озолошая блеснувшего с изголовья амурчика; падало оно и на профиль, смертельно-белый, будто прочерченный тушью. Где-то били куранты; в отдалении повсюду топотали шаги».

Так заставляет нас Андрей Белый пережить Инженерный замок со всем своим историческим наследием, преломленным настоящей минутой.

Большое значение для одухотворения города имеет природа. Смена дня и ночи заставляет чувствовать органическое участие города в жизни природы. Утро убирает его часто перламутровой тканью туманов, пронизанных солнечными лучами. Вечер набрасывает на него кровавооблещущий покров...

И белая ночь наполняет его своими чарами, делает Петербург самым фантастическим из всех городов мира (Достоевский). Мистерия времен года, породившая мифы всех народов, превращает самый город в какое-то мифическое существо.

Петербургская осенняя ночь с ее туманами или ветрами напоминает, что под городом древний хаос шевелится. Гоголь, Одоевский, Достоевский знали эти ночи, и душа Петербурга открывалась им в осеннем ненастье. Пушкин указал нам путь к ней через сверкающий зимний день.

Каждое место требует знания дня и часа. Новая Голландия и сфинксы лучше всего в ясную летнюю ночь. Сенатская площадь – в зимнее утро, когда на деревьях иней и солнце светит нежно и бессильно.

Еще большее значение имеет в этом смысле природа для окрестностей Петербурга.

Петергоф может раскрыться нам и в ясный осенний вечер среди неопалимых купин ярко пылающих кленов, но мы не должны соблазниться очарованием этого образа. Мужественный характер летней резиденции Петра выявится полнее в другую пору. Час явления *genius loci* Петергофа наступает в летний день, когда дует порывистый ветер; по темно-синему небу быстро несутся легкие облака, то скрывая солнце, то открывая его; причудливые тени плывут по сочно-зеленой траве, скользят по пихтам и каштанам, обволакивают сверкающие золотом

статуи; ветер колеблет струи фонтанов и на потемневшем буро-синем море вздувает пену волн; доносится крик незримой чайки. Стихии ветра и воды сродни Петру Великому. В. А. Серов удачно изобразил на фоне строящегося Петербурга на берегу Невы могучую фигуру царя, отсекающего грудью ветер, а за ним едва поспевающих, с трудом держащихся на ногах спутников. В Петергофе, несмотря на позднейшие изменения, еще ощутим дух Строителя Чудотворного, и для него наиболее выразительным часом явится мужественная пора летнего дня при ветре, при быстрой смене освещения.

И Павловск может увлечь нас в разные часы: и в sereneкий зимний день, и в улыбающееся весеннее утро, но не в них раскроется в полноте его душа.

Дворец с белыми колоннами, выступающими на матово-желтом фоне, под круглым куполом, изящное создание Камерона, парк с нежными очертаниями холмов и рощиц, застенчивые памятники, вызывающие образы: любви, дружбы и смерти; туманы над тихо журчащей Славянкой, – все это полно женственной мягкости и пассивности. Вся природа здесь глубоко спиритуализирована. Павловский парк *Elisium* теней²³. Ясный осенний вечер – наиболее родственный ему час; «Кроткая улыбка увяданья» ему наиболее к лицу. Павловск нашел своего поэта, вполне конгениального. В. А. Жуковский для описания его избирает осеннюю пору, полную меланхолии.

Славянка тихая, сколь ток приятен твой,
Когда в осенний день в твои глядятся воды —
Холмы, одетые последнею красой
Полуотцветшие природы.
Спешу к твоим брегам... свод неба тих и чист:
При свете солнечной прохлады повеваает,
Последний запах свой осыпавшийся лист
С осенней свежестью сливает.

(«Славянка»)

Глубокая тишина увяданья, баюкающая душу, уносящая в мир воспоминаний. Еще сильнее ее власть в вечерний час.

Сколь милы в Павловске вечерние картины.
Люблю, когда закат безоблачный горит:
Пылая, зыблются древесные вершины
И ярким заревом осыпанный дворец.
Глядясь с полугоры в водах, покрытых тенью,
Мрачится медленно, и купол, как венец,
Над потемневшею дерев окрестных сенью
Заката пламенем сияет в вышине
И вместе с пламенем заката угасает.

(«Первый отчет о луне»)

Подобно тому как цветок имеет свою пору цветенья, так и местность с яркой индивидуальностью в определенный час открывает наиболее полно скрывающийся в ней *genius loci*. Нужно много пережить все связанное с данной местностью, чтобы уметь правильно определить наиболее сродную ей пору. Быть может, подобные суждения субъективны, но поиски вырази-

²³ *Elisium* *meney* – Элизиум – загробное царство праведных в греческой мифологии.

тельного часа не должны быть признаны всецело произвольными, а потому излишними. В них можно обрести познание некоторой правды о духе местности.

Звуки и запахи должны быть также приняты во внимание при этих поисках.

VI

Однако для понимания души города мало своих личных впечатлений, как бы ни были они пережиты правдиво и сильно. Необходимо воспользоваться опытом других, живших и до нас, знавших Петербург в прошлом.

Где же лучше всего искать материал для нахождения этих следов Петербурга на душах людей?

Наша художественная литература чрезвычайно богата ими. Ознакомившись с этим материалом, мы можем прийти к интересному выводу. Отражение Петербурга в душах наших художников слова не случайно, здесь нет творческого произвола ярко выраженных индивидуальностей. За всеми этими впечатлениями чувствуется определенная последовательность, можно сказать, закономерность. Создается незыблемое впечатление, что душа города имеет свою судьбу, и наши писатели, каждый в свое время, отмечали определенный момент в истории развития души города²⁴.

Трагический империализм Петербурга, его оторванность от ядра русского народа не сделали его безликим, бездушным, общеевропейским городом, каким-то переходным местом в пространственном отношении (из России на запад, «окно в Европу») и во временном (от Москвы к Великой Российской империи).

Город Петра оказался организмом с ярко выраженной индивидуальностью, обладающим душой сложной и тонкой, живущей своей таинственной жизнью, полной трагизма.

Его *genius loci* откроется нам, когда мы, пережив образы Петербурга в русской художественной литературе, будем сосредоточенно всматриваться в него с высоты Исаакиевского собора и странствовать по просторам его площадей, по его стройно-сходящимся улицам и по многочисленным набережным с плавными линиями, украшенными узорчатыми чугунными решетками, всегда и всюду чувствуя присутствие державной Невы.

* * *

Есть еще один материал, совершенно пренебрегаемый, однако пригодный для характеристики города. Я имею в виду названия улиц, городских ворот, гостиниц и т. д. Вероятно, всякий замечал, что у каждого города есть свой стиль этих названий, определяемый гением города.

Разве не характеризуют Париж следующие наименования: *Avenue des Gobelins*²⁵, *Rue de la Perle*²⁶, *Ruelle du Paon Blanc*²⁷ или названия юмористические: *Rue du Chat qui pêche*²⁸, *Hotél d'un chien qui fume*²⁹ и т. д. Бесчисленные наименования святых, или улица монахов, улица каноник напомнят нам о временах, когда Прекрасная Франция была лучшей дочерью католической церкви.

²⁴ Этой теме посвящена вторая часть данной книги: «Образы Петербурга».

²⁵ *Avenue des Gobelins* – проспект Гобеленов.

²⁶ *Rue de la Perle* – улица Жемчужная.

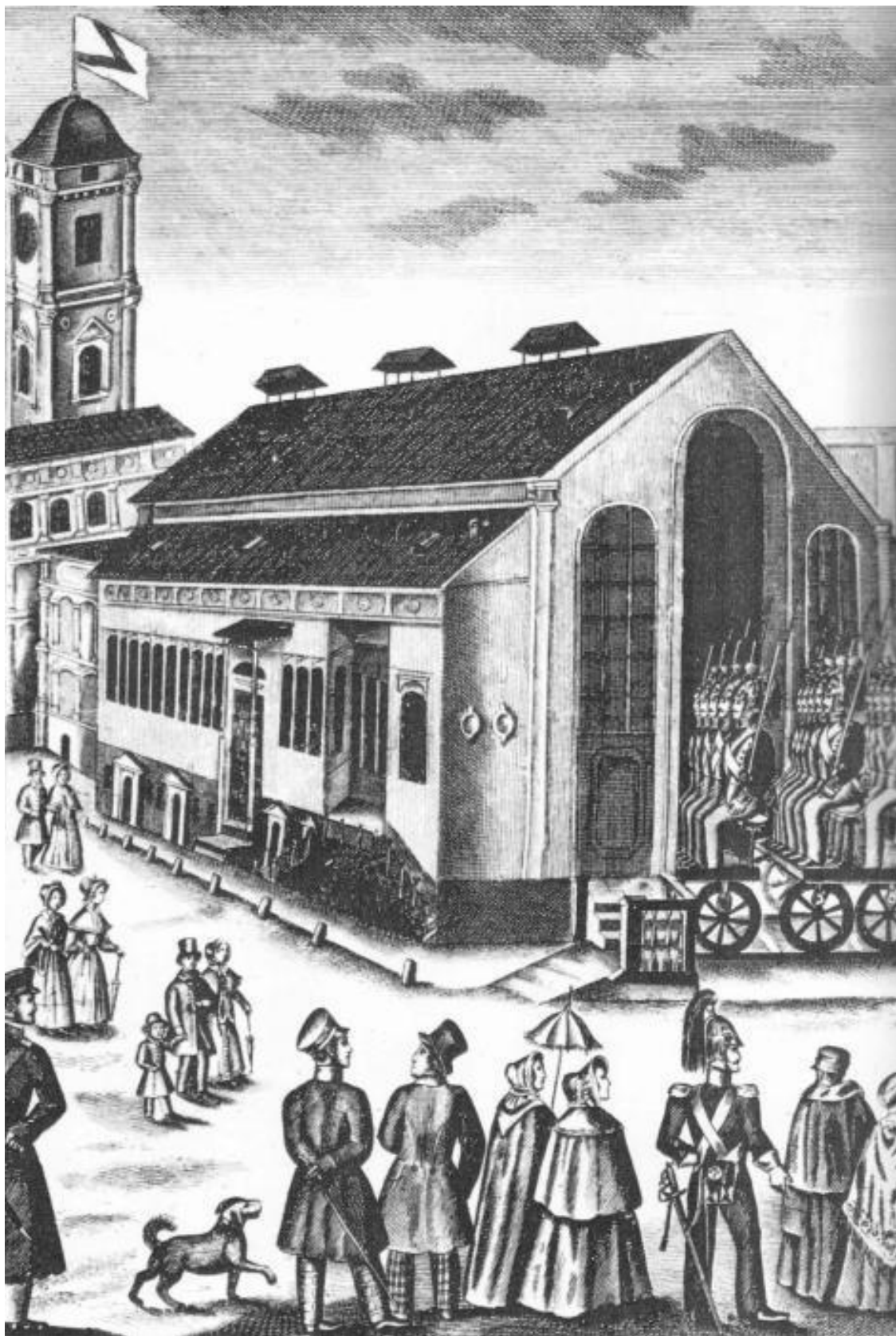
²⁷ *Ruelle du Paon Blanc* – улица Белого павлина.

²⁸ *Rue du Chat qui pêche* – улица Кошки, удающей рыбу.

²⁹ *Hotél d'un chien qui fume* – гостиница Куращей собаки.

Особый интерес представляют названия улиц Москвы. Наряду с церковными, чрезвычайно обильными, как и подобает для сердца «Святой Руси», наряду с историческими и топографическими, неизбежными для каждого древнего города, есть ряд названий, чрезвычайно характерных именно для Москвы. Например, комплекс улиц у Арбатской площади: Поварская, с ее переулками, Скатерным, Хлебным, Столовым, напоминает о хозяйственности князей-строителей радушной Москвы. Или улицы с уменьшительными окончаниями, так ласкающие слух всех любящих Москву: Полянка, Ордынка, Палиха, Плющиха и т. д.

Все приведенные названия нисколько не связаны непосредственно с городом, как, например, Сухаревская площадь или Кремлевская набережная. Наконец, упомянутые улицы не являются всем известными, как Кузнецкий мост или Красная площадь, и их названия сами по себе не говорят о связи с Москвой. Только подбор образов этих имен и даже их звук проникнуты московским духом.

Город Петра оказался организмом, обладающим душой сложной и тонкой...

Что же дают нам названия Петербурга? Ничего яркого, особенно выразительного мы в них не найдем. И разве это не характеризует его, разве это не к лицу строгому и сдержанному городу? Его имена либо топографические: Невский, Каменноостровский, либо ремесленного

происхождения – Литейный, Ружейная, Гребецкая, Барочная и т. д., либо свойственные столицам, в честь дружественных наций: Итальянская, Английская, Французская, либо совершенно лишённые образности, наиболее характерные для Петербурга – Большие, Малые, Средние проспекты и бесчисленные линии и роты, вытянутые в шеренгу и занумерованные.

Городские названия – язык города. Они расскажут о его топографии, о его окрестностях, истории, героях, промышленности, идеях, вкусах, юморе. Они так же определяют стиль города, как его строения, его легенды, его сады.

Изучение города как органического целого даёт опыт постижения историко-культурного организма, в его видоизменениях. Этим самым будет дан ключ к пониманию и того, что уже не удастся изучить здесь описанным конкретным путем, и вместе с тем будет создан масштаб для оценки всей разницы между знанием, полученным путем видения цельного образа, и знанием того, о чем удастся только услышать или прочесть. Если сумеем воспользоваться полученными живыми образами, в дальнейших занятиях это поможет ощутить прошлое живым, конкретным, а потому и доступным пониманию, вызывающим любовь. Прошлое всего человечества будет воспринято тогда как жизнь единого целого.

Пробудившаяся любовь к былому – великая сила. Она преодолевает всепобеждающее время и ставит нас лицом к лицу с жизнью наших предков.

Наша любовь возрождает прошлое, делает его участником нашей жизни.

Так явственно, из глубины веков,
Пытливый ум готовит к возрождению
Забывтый гул погибших городов
И бытия возвратное движение.

(А. Блок. «На небе зарево»)

Образы Петербурга

О Рим, ты целый мир!

Гёте

Образ города имеет свою судьбу. Судьба понимается здесь как органическое развитие единичного явления. Понятие судьбы приложимо только к личности как носительнице индивидуального начала. Судьба есть историческое выявление личности. Безликий процесс не может быть определяем судьбой. Таким образом здесь утверждается идея индивидуальности образа города, имеющего свою судьбу. Он живет своей жизнью, как и сам город, независимой от впечатлений отдельных его обитателей. Он имеет свои законы развития, над которыми не властны носители этого образа, его выразители. Личность, созерцающая город, конечно, кладет на отображенное ею впечатление печать своей индивидуальности, но эта печать видоизменяет только детали. Не всякий, конечно, обитатель является носителем образа города как чего-то цельного, органичного, самодовлеющего. Только наиболее чуткие из них познают лицо города. Нужно помнить, что познание является отчасти самопознанием, так как город открывает свое лицо только тому, кто хоть ненадолго побывал его гражданином, приобщился к его жизни, таким образом сделался частицей этого сложного целого. Кто же лучше всего сможет выразить образ города, как не художник, и, может быть, лучше всего художник слова? Ибо ему наиболее доступно целостное виденье города, которое может привести к уяснению его идеи. Художник-мыслитель может найти *λόγος*³⁰ города и передать его в художественной форме. Одни писатели создавали случайные образы, откликаясь на выразительность Петербурга, другие, ощущая свою связь с ним, создавали сложный и цельный образ северной столицы, третьи вносили сюда свои идеи и стремились осмыслить Петербург в связи с общей системой своего мирозерцания; наконец, четвертые, совмещая все это, творили из Петербурга целый мир, живущий своей самодовлеющей жизнью.

Цель этой работы – набросать очерк развития образа Петербурга, основываясь на памятниках русской литературы. Работа, таким образом, относится к области истории культуры, а не искусства. Изменяющийся с годами образ Петербурга рассматривается здесь как явление духовной культуры, ввиду чего эволюция образа намечается вне художественных оценок. Подобная работа, строго говоря, преждевременна. Еще не написана история русской культуры, на фоне которой было бы возможно проследить эволюцию образа, отражающего духовное состояние русского общества. Но работа, лежащая перед исследователем русской культуры, особенно нового времени, столь велика, что ее хватит на несколько поколений ученых. Ввиду этого следует уже теперь выдвигать некоторые проблемы из области духовной культуры нового времени, не выпуская из виду, что они являются лишь опытами, которые подлежат критической проверке и существенным изменениям.

Здесь предполагается лишь установить вехи, знаменующие этапы развития образа Петербурга. Желательно было бы использовать весь богатый материал отражения Петербурга в сознании русского общества. Надеемся, что этот труд удастся выполнить в будущем тем, кто поймет великую культурную ценность Петербурга.

Здесь задача поставлена более простая. Материал привлечен из области художественной литературы. Какой-нибудь выразительный отрывок заменит собою целую серию, не вносящую при сопоставлении с ним ничего существенно нового в обрисовку образа города.

³⁰ *λόγος* – в греческом *logos*, одно из основных понятий античной и средневековой философии, введенное Гераклитом, обозначающее «слово» и «смысл», их единство.

Цитаты здесь рассматриваются не только как иллюстрации, поясняющие ту или другую мысль автора. Они здесь являют самый образ и заменяют таким образом картины в тексте. Этим оправдывается их обилие и их размеры. Книга благодаря этому отчасти приспособлена для целей хрестоматии. Иногда, впрочем, приходилось сокращать текст, выпуская из него менее значительные места, изредка даже передавать его своими словами, в случае малой значимости текста.

В заключение этих предварительных замечаний следует отметить, что под городом здесь подразумевается по преимуществу его внешний облик, его архитектурный пейзаж. Весь остальной материал привлекается для комментирования внешнего облика.

Так, например, вопросы быта иллюстрируют внешний облик города. Общие идеи здесь привлечены только в интересах понимания выражения лика города. Методически вопрос поставлен так: через познание внешнего облика города к постижению его души³¹.

I

Трудно установить момент зарождения образа города, даже возникшего при таких благодарных обстоятельствах для сознательной оценки его, как Петербург, – город, воздвигнутый в момент великой борьбы, в эпоху рождения империализма³². Не скоро наступает момент созерцания, благоприятный появлению художественного синтетического образа, историю которого надлежит здесь наметить, поскольку он отразился в русской художественной литературе. Из русских художников слова едва ли не первый Сумароков придал ему определенные черты.

Петербург в творчестве Сумарокова намечается как город священный. Название Санкт-Петербург приобретает для него особое значение. Молодость города словно лишает его должной величественности. Сумароков ввиду этого старается в седой старине найти подготовку создания Петербурга, чтобы придать этим образу города ореол древности. Александр Невский является предтечей Петра Великого.

Сему великолепну граду
Победой славу основал.

(«Стихиры св. Александру Невскому»)

Праха Александра должен храниться в недрах города, обязанного ему своим существованием.

Ликуйте вы, Петровы стены,
Играйте, Невски берега!

То, что должно было совершить Петру, он свято выполнил.

На берегу потоков Невских
Святого Александра гроб!

³¹ В каком смысле можно говорить о душе города? Исторически проявляющееся единство всех сторон его жизни (сил природы, быта населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовное бытие его граждан) и составляет душу города.

³² Первые, наиболее подробные, описания встречаются у иностранцев, посетивших новую столицу. В своих заметках они соединяли угодливый пафос с искренним восхищением. Первое наиболее подробное описание нового города принадлежит автору, скрывшему свое имя за инициалами S. W. («Описание Санкт-Петербурга и Кронштадта в 1710 и 1711 годах»). Но все эти книги, как не имеющие отношения к русской художественной литературе, не подлежат нашему разбору.

Петр, преемник Александра, в своей новой столице воздвигает ему храм, с которым связывается палладиум нового города.

Возведен его рукою
От нептунных свирепств
Град, убежище покою,
Безопасный бурных бедств,
Где над чистою водою
Брег над чистою Невою
Александров держит храм.

(«Ода на победу Петра I»)

Петрополь не чуждый России город, знаменующий разрыв с прошлым. Нет, Санкт-Петербург имеет глубокие корни в Святой Руси. Он является городом «солнца земли русской», Александра Невского. Не умалить значение Петра хотел этим Сумароков, но возвеличить, озарив его город священным блеском.

Но эта перспектива в глубину прошлого не должна отвлечь внимание от настоящего. Прошлое только подчеркивает величие настоящего, служит залогом раскрытия в будущем великих судеб. Новый город – столица великой империи, полной развертывающихся сил для победоносного роста. Народ великой равнины простирает свою десницу для господства над морями.

Мать-земля сырая была божеством народа пахарей. Теперь он поклонился новому боже-ству – Нептуну, владыке моря-океана, воплотившемуся в царе Петре.

Вижу на волнах высоких
Нового Нептуна я,
Слышу в бурях прежестокых,
Рев из глубины тая,
Бездна радость ощущает,
Бельт веселье возвещает.

Стихии радостно покоряются трезубцу нового повелителя вод. Нептун укрощает ветры.
*Quos ego!*³³

Ваше суетно препятство,
Ветры, нашим кораблям.
Рассыпается богатство
По твоим, Нева, брегам.
Бедны пред России оком
Запад с югом и востоком.

(«Дифирамб 1-й»)

Петр Великий, укротитель стихий, является повелителем всего мира, ибо нет ему равного.

Только герб российский веет,
Флоты разных там держав.
Петр над всеми власть имеет,

³³ *Quos ego!* – «Я вас!» (лат.), выражение угрозы.

Внемлют все его устав.

(«Ода на победу Государя императора Петра I»)

Таков величавый и ликующий образ Петербурга в творчестве Сумарокова. Город, освященный традицией, имеющий глубокие корни в прошлом. Однако только будущее раскроет все величие Северной Пальмиры. Город св. Петра на севере заменит собою город св. Петра на юге. Петербург станет новым Римом. Сумароков принимает пророческий тон:

«Узрят тебя, Петрополь, в ином виде потомки наши: будешь ты северный Рим. Исполнится мое предречение, ежели престол монархов не перенесется из тебя... Может быть, и не перенесется, если изобилие твое умножится, блага твои осушатся, проливы твои высокопарными украсятся зданьями. Тогда будешь ты вечными вратами Российской Империи и вечным обиталищем почтеннейших чад российских и вечным монументом Петру Первому и Второй Екатерине» («Слово 5-е: на открытие императорской Санкт-Петербургской Академии Художеств»).

Образ Северного Рима пленял и Ломоносова, и он восхищался, взирая на то, как

В удвоенном Петрополь блеске
Торжественный подъемлет шум.

(«Ода на день восшествия на престол императрицы Екатерины II»)

Но он вносит смягчающий мотив, ограничивающий всеокрушающий империализм. Он восхваляет царицу за то, что она миролюбива.

Не разрушая царств в России строишь Рим.
Пример в том Царский дом, кто видит, всяк дивится,
Сказав, что скоро Рим пред нами постыдится.

Вернулся золотой век! Вся в лучезарном сиянии Северная Пальмира горит и сверкает.

В стенах Петровых протекает
Полна веселья там Нева,
Венцом, порфирию блистает,
Покрыта лаврами глава.
Там равной ревностью пылают
Сердца, как стогны, все сияют
В исполненной утех ночи.
О сладкий век! о жизнь драгая!
Петрополь, небу подражая,
Подобны испустил лучи.

(«Ода на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны»)

Краски описания сверкают и ликуют.
Над городом веет дух Петра – его гения-хранителя.

...Образом его красуется сей град.
Взирая на него – Перс, Турок, Гот, Сармат
Величеству лица геройского чудится,

И мертвого в меди бесчувственной страшится.

(Надписи на статуе Петра Великого)

Невелик интересующий нас материал и у Державина. Он испытывает на себе всю силу обаяния сказочно растущей Северной Пальмиры. И все условности стиля его эпохи, требовавшего торжественных славословий, имевших лишь отдаленное отношение к воспеваемым объектам, не могли вполне затемнить подлинности восхищения новой столицей.

Державин прибегает к своеобразному приему описания Петербурга. Перед императрицей Екатериной, плывущей по Неве, разворачивается панорама города. Суровый Ладогон с снегоблещущими власами повелевает своей дочери Неве «весть царицу в Понта двери».

И Нева, преклонши зрак
В град ведет преузорочный.
Петрополь встает навстречу;
Башни всходят из-под волн.
Не Славенска внемлю вечу,
Слышу муз Афинских звон.
Вижу, мраморы, граниты
Богу вносятся на храм;
За заслуги знамениты,
В память вождям и царям
Зрю кумиры изваянны.
Вижу, Севера столица,
Как цветник меж рек цветет, —
В свете всех градов царица,
И ее прекрасней нет!
Белт в безмолвии зеркало
Держит пред ее лицом.
Чтобы прелестьми блистало
И вдали народам всем,
Как румяный отблеск зарный.
Вижу лентии летучи
Разноцветны по судам;
Лес пришел из мачт дремучий
К камнетесанным брегам.
Вижу пристаней цепь, зданий,
Торжищ, стогонов чистоту,
Злачных рощ, путей, гуляний
Блеск, богатство, красоту,
Красоте царя подобну...

(«Шествие по Волхову российской Амфитриды»)

Вот образ Северной Пальмиры, далекий от жизненной правды, включающий лишь то, что могло послужить ее прославлению. Но этот образ был близок, понятен всем дышавшим крепким и бодрым воздухом России XVIII века, верившей в свои силы и умевшей заставить других поверить в себя. Северная Пальмира не была легендой; в молодой столице ощущалось великое будущее.

Державин чужд той тревоги, которая охватит последующие поколения! Трагическая красота Петербурга ему не понятна. Все устойчиво и мирно.

Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал.

(«Видение Мурзы»)

Тиха ночь над Невою в ее гранитной урне. А днем радостно на просторах ее набережных дышать весною в шумной толпе.

По гранитному я берегу
Невскому гулять ходил;
Сладкую весенню негу,
Благовонный воздух пил;
Видал, как народ теснился
Вкруг одной молодой четы.

(«Явление Аполлона и Дафны на Невском берегу»)

Для Державина не существовало здесь борьбы города со стихиями. Наоборот, природа и искусство в гармоническом сочетании творят красоту города. «Везде торжествует природа и художество». Природа, по которой прошелся резец художника. «Спорят между собой искусство и природа»³⁴. Спорят в смысле дружеского соревнования, направленного к достижению одной цели: создания пейзажа города.

Описывая Потемкинский праздник, поэт с восхищением останавливается на архитектуре петербургского дворца. Какие же черты стиля отмечает он: простоту и величественность прежде всего.

«Наружность его не блистает ни резьбою, ни позолотою, ни другими какими пышными украшениями: древний, изящный вкус – его достоинство, оно просто, но величественно» («Описание торжества в доме князя Потемкина по случаю взятия Измаила»).

Здесь все «торжественно», как в храме: «Обширный купол, поддерживаемый осьмью столпами, стены, представляющие отдельные виды, освещенные мерцающим светом, который внушает некий священный ужас». Здесь «везде видны вкус и великолепие», но великолепие сдержанное, не противоречащее простоте.

Державин живо чувствует и пафос пространства как основную черту блеска, силы:

Великолепные чертоги
На столько расстоят локтях,
Что глас в трубы, в ловецки роги
Едва в их слышится концах.
Над возвышенными стенами,
Как небо, наклонился свод;
Между огромными столпами
Отворен в них к утехам вход.

Величие дворца вызывает в поэте образ Вечного города: «И если бы какой властелин всемогущего Рима, преклоняя под руку свою вселенную, пожелал торжествовать звуками своего оружия или оплатить угощения своим согражданам, то не мог бы для празднества своего создать

³⁴ «На Петергоф».

большого дома или лучшего великолепия представить. Казалось, что все богатство Азии и все искусство Европы совокуплено там было к украшению храма торжеств Великой Екатерины».

Во дворцах Северной Пальмиры должно чувствоваться величие пространств империи, которую венчает она. Империализм Державина – бодрый, уверенный и радостный. В Петербург стекаются богатства из беспредельных пространств империи.

Богатая Сибирь, наклонившись над столами,
Рассыпала по ним и золото и серебро;
Восточный, западный, седые океаны,
Тряся челнами, держали редких рыб;
Чернокудрявый лес и беловласы степи,
Украина, Холмогор несли тельцов и дичь;
Венчанна класами хлеб Волга подавала;
С плодами сладкими принес кошницу Тавр;
Рифей, нагнувшись, в топазы, аметисты
Лил в кубки мед золотой, древ искрометный сок
И с Дона сладкие и крымски вкусна вина...

...Казалось, что вся Империя пришла со всем своим великолепием и изобилием на угощение своей владычицы...

И это Империя юная, полная сил, у которой все впереди, и древние римляне дивятся после них невиданному великолепию.

Из мрака выставя, на славный пир смотрели:
Лукуллы, Цезари, Троян, Октавий, Тит,
Как будто изумясь, сойти со стен желали
И спросить: Кого так угощает свет?
Кто кроме нас владеть отважился вселенной?

Державину, упоенному величию растущей Империи, грезится образ нового Рима.

«Сей вновь построит Рим».

Таков Петербург в художественном творчестве Державина. Это гордая столица молодой, полной сил Империи, это город величаво простой, ясный, отмеченный изяществом вкуса своих строителей, город гармоничный, лишенный всякого трагизма. Однако и Державину была введена тревога за будущее города Петра. В своей докладной записке «О дешевизне припасов в столице» (1797) он выражает опасение за судьбу столицы.

Если все предоставить естественному ходу – «Петербургу быть пусту». «Если не возмется заблаговременно мер, то весьма мудрено и в таком пространстве, в каковом он теперь находится, и в присутствии двора и его сияния выдержать ему и два века. Удастся же двор, исчезнет его и великолепие. Жаль, что толикие усилия толь великого народа и слава мудрого его основателя скоровременно могут погибнуть».

Однако вся статья Державина проникнута оптимизмом. Россия должна быть приближена к своей столице. Ее окрестности, глухие и суровые, должны быть заселены и возделаны.

«Окружность Петербурга привести удобрением и населением земель в такое состояние, чтоб она могла прокормить коренных и штатных его обитателей».

Державин, очевидно, хотел видеть Петербург окруженным хорошо культивированной зоной, приспособленной к нуждам столицы, подобно той, что окружала древний Рим, распространяясь на весь Лациум.

Прекрасный образ Северной Пальмиры начертан кн. Вяземским (в 1818 г.):

Я вижу град Петров чудесный, величавый
По манию царя воздвигнутый из блат,
Наследный памятник его могущей славы,
Потомками его украшенный стократ.
Искусство здесь везде вело с природой брань
И торжество свое везде знаменовало.
Могущество ума мятеж стихий смиряло,
Чей повелительный, на зло природы, глас
Содвинул и повлек из дикия пустыни
Громады вечных скал, чтоб разостлать твердыни
По берегам твоим рек северных глава,
Великолепная и светлая Нева?
Кто к сим берегам склонил торговли алчной крылья
И стаи кораблей с дарами изобилья
От утра, вечера и полдня к нам пригнал.
Кто с древним Каспием Бельт юный сочетал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.